

ТИПЫ МЕТАФОРИЧЕСКИХ УПОТРЕБЛЕНИЙ ГЛАГОЛОВ ПЛАВАНИЯ

Е. В. Рахилина

1. Введение: постановка задачи

При работе над проектом мы старались фиксировать не только прямые, но и метафорические употребления глаголов плавания — в этой статье мы рассмотрим возможности построения их типологии.

Поскольку термин «метафора» восходит к античной традиции и используется очень широко, объем специальной литературы по этому вопросу огромен и она отражает самые разные точки зрения, мы начнем с того, что опишем круг явлений, которые нам кажутся существенными для лингвистического описания фактов, связанных с метафорами.

В обычных, прямых значениях глагол, как правило, накладывает какие-то семантические ограничения на свои аргументы: например, глагол *пилить* требует, чтобы его второй аргумент был неодушевленным, твердым и имеющим некоторую форму (ср. *пилить доску*), глагол *связывать* предполагает в качестве второго аргумента неодушевленные предметы (ср. *связывать коробки*), в том числе части тела (ср. *связывать руки*); третий аргумент этого глагола — средство (= 'чем перевязывают') — должен представлять собой гибкий длинный веревкообразный предмет. Все такие ограничения на аргументы непосредственно связаны с семантикой глагола и прежде всего касаются *таксономического класса* его аргументов, а кроме того формы, структуры, геометрических свойств и т. п. обозначаемых ими объектов действительности.

По мнению многих современных исследователей (подробнее см., например, сборник [Арутюнова (ред.) 1990], а также [Падучева 1999: 488; 2004: 331]), в метафорических употреблениях таксономические ограничения лексемы нарушаются, так что суть метафорического сдвига значения предиката состоит в том, что этот предикат применяется к объектам совсем других, чем ожидалось, типов¹. Так, *пилить* метафорически применяют не к твердым предметам, а к людям (в значении 'ругать'), *связывать* — к событиям (ср.: *я связал эти два происшествия друг с другом*), при-

¹ Говоря другими словами, метафора возникает «в результате сдвига сочетаемости предикатных слов» [Арутюнова 1979а: 168]; ср. близкий подход, представленный в работах когнитивного направления, например, [Paprotté, Dirven 1985] или [Barcelona 2000].

чем инструментом в этом случае является уже не гибкий предмет, а мыслительная деятельность, и т. д.

Обычно лингвистов интересуют не спонтанно возникшие (в речи конкретного говорящего), а уже закрепленные в языке, стандартные метафоры данного слова (иначе: *концептуальные метафоры* — термин, принятый в когнитивной семантике; см., например, обзорную статью [Баранов 2004]): считается, что они не случайны и отражают результаты действия семантических *правил*. Собственно, регулярные правила метафоризации описывались очень разрозненно, системных работ на эту тему не так уж много — в первую очередь в связи с этой проблематикой вспоминают книгу [Lakoff, Johnson 1980 / 2004], ср. ставшие знаменитыми переходы типа: ВЫШЕ ⇒ БОЛЬШЕ; НИЖЕ ⇒ МЕНЬШЕ; ВРЕМЯ ⇒ ДЕНЬГИ; СПОР ⇒ ВОЙНА и др. (ср. также список из 400 английских метафор на сайте Дж. Лакоффа <http://cogsci.Berkeley.edu/lakoff/metaphors>). Конечно, хорошо известны и другие распространённые переносы — такие как ‘физическое восприятие’ → ‘знание’ (ср. русск. *я видел / я слышал* — см. [Апресян 1995: 363, 339 и др.], [Падучева 2004]); ‘эмоции’ → ‘жидкости’ (ср. русск. *испытать горе* — см. [Арутюнова 1976], [Успенский 1979]); ‘физические ощущения’ (как холод, дрожь) → ‘эмоциональные ощущения’ [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993], ср. также [Kövecses 1986, 2000] — и под. Однако степень типологической релевантности таких сдвигов до сих пор не вполне ясна. Например, наши недавние исследования на русском материале [Ли, Рахилина 2005] показали ограниченность применения формулы ВЫШЕ ⇒ БОЛЬШЕ (а также одновременное действие в русском «параллельной» ей формулы НИЖЕ ⇒ БОЛЬШЕ, противоречащей «канонической» идее НИЖЕ ⇒ МЕНЬШЕ²). О неуниверсальности многих метафор из «списка Лакоффа» свидетельствует и обширное исследование, проведенное на материале одиннадцати (в основном европейских) языков [Dobrovol'skij, Piirainen 2005] и посвященное фразеологизмам; в нем делается акцент на конвенциональности, культурной обусловленности и в конечном счете невозможности предсказать конкретный фразеологизм как метафору³.

Между тем проблема построения типологии «простых» метафор, возникших в результате сдвига значения (одной) лексемы, сегодня осознается как существенная и в принципе разрешимая — в частности, развивается проект построения Каталога семантических переходов (подробнее см. [Анна Зализняк 2006: 403—421]), который мог бы быть основой такого исследования, ср. также сходный проект Базы данных по метафорам частей тела в разных, прежде всего европейских, языках [Blank, Koch 2000]. В связи с проблемой типологической релевантности метафорических переносов бесспорный интерес представляет и собранный нами материал по глаголам плавания.

² Речь шла прежде всего о количественных конструкциях типа *пропасть денег, прорва дел, бездна удовольствий*, достаточно широко представленных в русском языке; ср. также [Doenninghaus 2005].

³ В частности, Глава 5 этой книги обсуждает проблему «ложных друзей переводчика»; показано, что одна и та же идиома в разных языках значит разное (например, нем. *jmdm. einen Floh ins Ohr setzen* переводится как ‘спровоцировать в ком-либо нереализуемые желания’, а фр. *mettre la puce à l'oreille* — как ‘вселить в кого-либо подозрения’).

Семантическая структура этих глаголов содержит два аргумента: 'субъект' и 'среда', в которой этот субъект находится. Прототипической средой для плавания является жидкость — в каких-то случаях это может быть и суп, и кровь, и какая-то другая жидкость, — но чаще всего, конечно, вода. Сложнее с субъектами плавания, которых гораздо больше: в их число входят живые существа, а также суда и неодушевленные объекты различной конфигурации — подробная их классификация приведена в предыдущей статье. Как показывают наши данные, в метафорических контекстах таксономический класс, как правило, меняется сразу у обоих аргументов, так что для говорящего и слушающего меняется ситуация в целом (обычно с конкретной — физическое движение в воде — на более абстрактную). В связи с этим встает вопрос, устойчивы ли эти изменения с типологической точки зрения. Если нет, то все метафорические сдвиги глаголов плавания специфичны для конкретного языка, потому что обусловлены конкретно-языковой картиной мира, плохо сопоставимой с картинами мира других языков, и тогда типология в этой области невозможна. Если да, т. е. изменения устойчивы и повторяются во всех языках, то существуют *единые* надязыковые когнитивные представления человека о сходстве ситуации плавания с абстрактными ситуациями определенных типов, — но тогда типология тоже не нужна.

Между тем данное исследование (как и вообще исследования такого рода) представляет интерес, потому что действительное положение дел, так сказать, промежуточно: видимо, какая-то общность ассоциаций у ситуации движения в воде для носителей разных языков и культур есть, но эта общность не полная, так что в языках имеется достаточная вариативность в метафорической зоне — что и позволяет говорить о типологии.

Теперь несколько слов по поводу того, что мы будем понимать под типологией метафорических употреблений: какие проблемы мы предполагаем здесь решить, а какие — не будем даже ставить.

Трудность в том, что в строгом смысле слова о типологии метафорических употреблений говорить, видимо, нельзя. Причин здесь несколько.

Во-первых, для метафорических употреблений — в отличие от прямых — нельзя построить и в особенности нельзя применить типологическую анкету: в такой «творческой» для языка зоне, где нет жестких запретов, носитель чувствует себя значительно менее уверенно и далеко не всегда может ответить на вопрос, реализуется ли данная конструкция в его языке. В то же время можно:

- проанализировать словарные источники по каждому языку и проверить имеющийся там материал по метафорам плавания с помощью авторитетных экспертов;
- опираясь на полученные данные, собрать примеры похожих метафорических переносов в разных языках и выявить их типы;
- для каждого языка проверить по доступным текстам, не встретились ли там не зафиксированные словарями типы метафорических переносов из числа выделенных.

Второе обстоятельство, мешающее говорить о метафорических значениях как о предмете «полноценного» типологического исследования: для них никогда не уда-

стия построить семантическую карту⁴, которая отражала бы системность связей между отдельными метафорическими значениями — такая задача здесь тоже не будет ставиться. Дело в том, что каждая исходная лексема «вызывает к жизни представление не об одном (...) метафорическом образе, а о целом ряде» [Анна Зализняк 2006: 60], причем эти образы далеко не всегда складываются в какой-то единый и вообще как-то соотносятся друг с другом. «Более того, попытка составить из разных метафорических словосочетаний единый образ подобна истории из известной индийской сказки, где несколько слепых, пытаясь составить представление о слоне, ощупывали каждый какую-то одну его часть» [Там же: 61]. Все это в полной мере относится к метафорам плавания, так что, по-видимому, для них нельзя построить цельную систему связей между значениями. С другой стороны, можно решить эту задачу частично:

- проследить связи между отдельными типами метафорических употреблений и составить семантические сети, графически отображающие эти связи в одном или группе языков (подробнее о понятии семантической сети см. [Lakoff 1987 / 2004: 538—595, ср. также: Плунгян, Рахилина 1996; Кронгауз 2001];
- на основе такого исследования выявить те «донорские» параметры (т. е. те семантические компоненты исходных плавательных лексем), которые оказываются типологически наиболее устойчивы в рассмотренных нами языках.

Третья причина слабой «типологичности» метафор связана с их семантической гетерогенностью, которая проявляется при сопоставлении языков. Другими словами, если бы мы вдруг взялись заполнять некую таблицу метафорических возможностей в зоне плавания, исходя из перечня всех выделенных контекстов метафоризации, реализованных в языках мира, то в этой таблице оказалось бы слишком много пустых клеток и она была бы лингвистически не так уж интересна. Однако и здесь есть любопытный аспект для полноценного лингвистического исследования: оказывается, что часто те типы метафорических употреблений, которые в одних языках охватываются глаголами плавания, а в других — «пропущены» (т. е. содержат те самые «пустые клетки», о которых мы только что говорили), в этих других выражаются глаголами близких семантических полей, — например, глаголами, имеющими значения, связанные с водой, — типа 'тонуть', 'купаться' или 'течь'. Это значит, что правило, связывающее в сознании человека данные две семантические области, хотя и не имеет очень жесткого характера, но зато достаточно регулярно. Отсюда еще одна лексико-типологическая задача:

- выявить случаи и типы замещения метафор плавания семантически близкими лексемами (особый интерес с этой точки зрения представляет русский язык, материал которого для нас наиболее доступен).

Нам кажется, что решение отмеченных задач вполне можно признать построением типологии (пусть типологии в слабом смысле этого слова) метафорических употреблений плавания.

⁴ О специфике семантических карт подробнее см. раздел 3.3.4 статьи о типологии лексических систем движения и нахождения в воде.

Результаты типологического исследования метафор плавания будут описаны так: во втором разделе статьи представлены типы метафорических сдвигов — с примерами из рассмотренных нами языков (сами примеры для экономии места не цитируются, дается отсылка к номеру, под которым пример приводится в соответствующей статье сборника). Таких типов оказалось 14, иллюстрации и обсуждению каждого из них посвящен свой подраздел. Там же приводятся примеры языков, где метафора этого типа выражена другим «водным» глаголом.

В третьем разделе описательные результаты обобщаются и обсуждается проблема типологически устойчивых признаков ситуации плавания, там же строятся семантические сети для связанных между собой значений.

2. Метафоры плавания в языках мира

2.1. Плавание как погружение в обильную (вещественную) среду

Плавая, человек находится в водной среде, которую он воспринимает как большое количество воды. Такая количественная оценка является источником для метафоры, возникающей во многих языках мира: для того, чтобы оценить количество вещества или другой субстанции *Y* как большое, т. е. значительно больше нормы, можно сказать, что нечто *плавает* в *Y*.

Семантику этого переноса, свойственного в основном глаголам активного плавания, мы будем описывать «ступенчато»: от ситуаций, в которых, в принципе, можно и не усматривать никакого метафорического сдвига, — до очевидных метафор, когда глагол полностью меняет свое значение и характеризует абстрактные сущности, а не физические вещества.

а) Плавание как нахождение в большом количестве жидкости

По-русски о тяжелобольном, переживающем кризис, связанный с обильным потоотделением, мы говорим *плавал в поту*. Употребляя здесь глагол *плавать*, мы почти не нарушаем никаких исходных семантических ограничений на аргументы глагола *плавать*: субъектом плавания остается человек, средой — жидкость. Эффект переноса, который отчетливо ощущает в этом случае носитель языка, основывается на том, что на самом деле жидкости слишком мало, чтобы действительно оценить ситуацию как *плавание*: риторический прием говорящего состоит здесь в том, чтобы, сознательно преувеличив количество жидкости, указать, что ее значительно больше ожидаемого. Пример с *потом* в этом отношении очевиден: его можно признать метафорой и по чисто формальным основаниям, потому что пот — из-за его всегда малого количества — на самом деле не входит в число жидкостей, естественных в роли среды для глаголов с плавательным значением, а значит, некоторый таксономический сдвиг, заметный говорящему, здесь все-таки произошел.

Физиологические жидкости — пот, кровь, слезы — очень характерны для такого рода количественных контекстов с глаголами плавания в языках мира, ср.: англ. *swim*

(14), болг. *плувам*, (78), груз. *curva* (94), порт. *nadar*, финск. *uida* (16) 'лоб, тело в поту', 'обливаться потом'; груз. *curva*, кор. *heuyem chi-ta* (29), нем. *schwimmen* (39), перс. *šenāvar budan* (34) 'он истекал кровью' (букв. 'плавал в крови'); англ. *swim* (12), нем. *schwimmen* (40), финск. *uida* (17) 'глаза, которые плавали в слезах...', 'лицо залито слезами'; груз. *curva* 'лошадь в пене'⁵. В русском тоже возможно *плавал в крови* — но только о лежащем (убитом или тяжело раненном); в других случаях говорят *утопать* или *заливаться*, ср.: *утопать в слезах, в крови; заливаться слезами, кровью*.

Другой класс жидкостей, не вполне подпадающих под стандартные ограничения глаголов плавания на среду, — это особые типы еды: (густые) соусы, подливки, сиропы и под. Находящиеся в них куски мяса, хлеба, фруктов и проч. физически не плавают, т. е. не перемещаются и не находятся на поверхности, но, как и в случае с физиологическими жидкостями, покрыты веществом, количество которого оценивается говорящим как значительно большее, чем обычно, ср.: порт. *nadar* (9—10) 'прозрачные куски ананаса плавали в винном сиропе', 'треска плавала в масле' и др. — так можно было бы сказать и по-русски; похожие примеры приводятся и для англ. *swim* (10), нем. *schwimmen* (38), финск. *uida* (15).

Любопытно, что в некоторых языках совершенно тот же механизм количественной оценки среды действует и в случае, когда средой, как при каноническом плавании, остается вода, ср.: финск. *uida* 'у нас прорвало трубу, вся кухня залита водой' (букв. 'уже плавает') и аналогичные примеры с болг. *плувам* (77) и нем. *schwimmen* (35), а также лат. *nare / nature* (48—49) 'полы плыли вином', 'поля затоплены реками'.

Как видим, в этом случае метафорический сдвиг происходит благодаря нестандартности субъекта плавания — класса 'помещение' / 'постройка', в принципе неспособного к перемещению: если бы на этом месте оказался «мобильный» предмет (одежда, посуда) и под., глагол интерпретировался бы как имеющий прямое значение⁶.

б) Плавание как погруженность в большое количество, обладание большим количеством

Данный подкласс примеров связан с отождествлением большого количества воды (стандартной среды плавания) с веществом другого таксономического подкласса (ср. с турецк. *yüzmek* (68) 'книги утопают в пыли', перс. *šenāvar budan* (42), тамил. *mīta* (36) 'утопать в грязи') или гомогенным множеством объектов — тоже оцениваемым как значительное (ср., например, болг. *плувам* (80) 'утопать в зелени', тамил. *mīta* 'утопать в игрушках / в друзьях').

Но чаще всего результатом (или, как говорят теоретики, целью или реципиентной зоной — об этих терминах см. подробнее наш обзор в [Рахилина 2000: 360]) в

⁵ Ср. здесь же значение 'плавать в вине' — тоже с одушевленным субъектом как состояние человека ('пьянствовать'), но нефизиологической жидкостью в качестве среды — арм. *loyal*, бенгали *bhasa* (18), перс. *šenāvar budan* (41).

⁶ Ср. также метафору сербохорв. *пливати* (76) 'Москва залита кровью', в которой, с одной стороны, фигурирует субъект, неспособный к перемещению (*город*), а с другой — жидкостью (средой) является не вода, а кровь, больше свойственная субъекту-человеку (как в примере типа *плавал в крови* = 'истекал кровью'); то же для порт. *nadar* и др.

такой метафоре являются «сыпучие» вещества, причем представляющие материальную ценность, олицетворяющие богатство: вода «превращается» в деньги и золото ср.: арм. *loyal*, болг. *плувам* (79), иврит *saxah* (15a), кор. *heuyem chita* (30), нем. *schwimmen* (45), перс. *šenāvar budan* (32), порт. *nadar* (16—17), тамил. *mita* (33), турецк. *yüzmek-* (67), финск. *uida*, шв. *simma* ‘он купается в деньгах / золоте’ (букв. ‘плавает’); ср. также нидерл. *zwemmen* (41) ‘банки утопают в деньгах’.

Этот класс локативных объектов допустим практически во всех рассмотренных языках, однако в некоторых из них зафиксированы и другие «ценности», способные выступать в такой конструкции, ср., например, перс. *šenāvar budan* (33) ‘Ирак купается в нефти’ (букв. ‘плавает’), нем. *schwimmen* (46) ‘область Коньяк плавает в коньяке’⁷.

Кроме того, как обильная среда может осмысляться и само состояние, связанное с обладанием большим количеством ценностей: ‘утопать (досл. ‘плавать’) в роскоши’ — арм. *loyal*, сербохорв. *пливати* (79).

Обратим внимание, что есть языки, где количественная метафора отсутствует для глаголов плавания — но реализуется с помощью других, семантически близких плавательным, глаголов — ср. русск.: *утопать, купаться в роскоши, в зелени*, ср. также коми, где значение ‘преуспевать, хорошо жить’ имеет конструкция, которая буквально переводится как ‘купаться в масле и сметане’ (85)⁸.

в) Погружение в состояние

Теперь мы переходим к примерам, представляющим, так сказать, третью ступень метафоризации глаголов плавания по модели большого количества — когда среда (вода) отождествляется с эмоционально-ментальным состоянием, в которое погружен человек. Прежде всего, это сны или мечты: ср. араб. *sabaḥa* (56), бенг. *bhasa* (72), тамил. *mita* (40, 41) ‘плавать в мечтах, в фантазии’; кор. *heuyem chita* (23) ‘плавать в сне’ — но также другие ментальные и эмоциональные (причем как положительные, так и отрицательные) состояния; лакск. *гьузун* (57) ‘плавать в мыслях’; кор. *heuyem chi-ta* (24) ‘плавать в страдании’; нем. *schwimmen* (42), турецк. *yüzmek-* (66), тамил. *mita* (42) ‘плавать в счастье’; бенг. *bhasa* (73) ‘в радости, в любви’, порт. *nadar* (17—18) ‘во лжи, в славе’.

⁷ Ср., однако, пример (15c) из иврита ‘плавать в дерьме’, ср. также русск. *быть по уши в дерьме / в неприятностях* (в разговорных контекстах здесь возможно и *плавать*).

⁸ Впрочем, и в тех языках, где глагол плавания метафоризируется по модели ‘большое количество’ в том же значении часто используются глаголы погружения: ‘тонуть в Y’ ⇒ ‘иметь Y в большом количестве’, причем обычно даже более широко, чем глаголы плавания, ср. перс. *quarq* (**šenāvar*) *budan* [букв. ‘тонушим (но не: *плавающим) быть’] в контекстах типа: ‘тонуть в алмазах / книгах / шоколаде / игрушках’, а также: ‘в вине / в слезах / в радости’; араб. *ghariqa* ‘утонуть в работе’; бенгали *Duba* (94), (96) ‘в пыли, в вине’, а также: в книгах, детях, знаниях, славе, богатстве, роскоши и пр., ср. еще: (93) ‘заходит солнце’; кит. *yān* (81) ‘сад утопал в дыму’, *chényān* (82) ‘утопать в разврате’; финск. *hukkua* — утонуть в алкоголе, шуме, толпе, делах [но не: в золоте]; *upota* — в грязи, в воспоминаниях; шв. *drunkna* — в работе, в звуках оркестра и др.; яп. *оборэру* (83) ‘в спиртном’, (81) ‘в любви’, (82) ‘в женщине (= увлечься)’ *сидзуму* (75) ‘в слезах’, (74) ‘в спиртном’, а также: (71) ‘светило заходит’, (72) ‘погрузиться на дно общества’, (73) ‘настроение падает’.

С семантической точки зрения такой переход надо признать совершенно «законным» — состояния человека, в особенности эмоциональные, как мы уже говорили выше, достаточно часто концептуализуются как жидкости — тем не менее он не универсален. Например, в русском языке такого переноса для глагола *плыть* / *плавать* нет — вместо него метафорически используется *погрузиться* — в сон, мечты, раздумья, меланхолию и др.; эмоциональные состояния при этом допускаются преимущественно отрицательные, ср.: **погрузился в счастье*. Между тем русский глагол *погрузиться* в своем прямом значении описывает вертикальное движение вниз (ср. *погружение аквалангистов*) и тоже связан с жидкостями — прежде всего с водой как со средой (и, в меньшей степени, с «мягкими», проницаемыми сыпучими веществами типа *песок* или *снег*).

В заключение этого раздела обратим внимание на два любопытных нестандартных способа метафоризации глаголов плавания в значении большого количества, представленные всего в нескольких языках.

Первый связан со слишком просторной одеждой и обувью и представлен в древнегреческом (глагол активного плавания $\nu\epsilon\omega$ (22) ‘обувь велика = я плавал в обуви’, португальском (*nadar* (12—14) ‘плавать внутри ботинок; в футболке’⁹) и турецком (*yüzmek* (69) ‘плавать в просторной одежде’).

Второй хорошо представлен в латыни и, по-видимому, требует от исходного глагола совмещения значений ‘плыть’ и ‘течь’ — ср. лат. *fluctuare* ‘Теламон течет гневом’ (67), для *fluere* ‘течь потом’ — о частях тела (63), а также (устойчивое) ‘земля течет золотом’ (64) (в других индоевропейских языках встречается, как правило, в виде переводных эквивалентов для нескольких фраз библейских текстов и их аналогов — ср. шв. о Норвегии как о ‘благословенной земле, текущей молоком и нефтью’, ср. также пример из др.-греч. с глаголом $\rho\acute{\epsilon}\omega$ ‘течь’, не совмещенным с плаванием (29) ‘течет земля молоком’).

2.2. Плавание как преодоление среды

Только что мы говорили о важности водного пространства как среды плавания, в которую человек погружен, — смысл плавания как действия состоит в ее преодолении, и оно может восприниматься как деятельность, требующая от человека значительных усилий. Именно поэтому ситуация плавания может переноситься на трудоемкое пешее движение по вязкой поверхности — например, через снег или грязь, ср. чувашский глагол активного плавания, *иш* ‘пробираться по снегу, по грязи’ [Скворцов 1985]; коми *уявны* (77) ‘брести по снегу, траве, воде’¹⁰, ср. также в этом ряду яп.

⁹ Ср. здесь метафору другой природы («неустойчивость» — см. раздел 2.11) с практически тем же результатом — у пассивного глагола порт. *boiar* (70) ‘джинсы болтаются на талии’).

¹⁰ Интересно, что в русском языке есть похожие глаголы — *продираться* и *пробираться*, — но только для трудной ходьбы через лес (точнее, пространство, покрытое густой растительностью), поэтому ни тот, ни другой русский глагол никак не связан с плавательными. При этом в русском, в отличие от коми и чувашского, нет никакого способа выразить идею ‘с трудом двигаться по полю (увязая ногами, через грязь, снег и под.)’.

oëgy (7) 'пробираться сквозь толпу' — ясно, что исходным глаголом для такой метафоры может быть только глагол активного плавания.

Структура метафорического сдвига в этом случае сводится к замене водной субстанции другой, тоже физической. Однако данный сдвиг может, так сказать, идти дальше, заменяя физическую среду социальной, ср. пример из хинди (31) с глаголом *tairnaa*, тоже активным, выражающим в этом случае смысл '«с трудом» плыть по реке жизни'. Близкий смысл преодоления социальной среды и ее норм может выражать португальский глагол *nadar* (21) 'плыть против течения западных ценностей'. Интересно, что «физическая» и «социальная» метафора могут совмещаться в одном глаголе. Так, японский глагол *oëgy*, который мы только что приводили, иллюстрируя метафору преодоления (вязкой) среды, используется и для выражения политической метафоры со значением 'лабирингировать, маневрировать' (об успешном политике) — т. е. преодолевать социальные преграды (8). Отметим, что ровно эту идею преодоления «социальных» препятствий выражают португальский и английский глаголы движения судов (имеющие общий латинский источник *navigare*) — соответственно, *navegar* и *navigate*. Ср. следующие примеры с португальским глаголом со значением 'лабирингировать' (95) 'Зюганов преодолевал развал Союза'; (94) 'Китай плыл (т. е. преодолевал препятствия в своем развитии) в одиночку'. Ср. также пример (55) из английского языка с глаголом *navigate*: 'Весна 1937 года явилась политическим водоразделом, который националисты успешно преодолели, а республиканцы — нет'.

2.3. Плавание как свободная ориентация в информационной среде

Очень естественно, чтобы семантика плавания связывалась с идеей, так сказать, победы над средой, т. е. успешного результата процесса преодоления, ведь плавать — собственно, значит не тонуть. Характерно, что эта идея реализуется сразу в нескольких языках из нашей выборки — причем осуществляют такой метафорический перенос глаголы активного плавания.

Как и в предшествующем случае, таксономический класс субъекта плавания ('человек') здесь сохраняется, а меняется только таксономия среды, которая превращается из вещественной в информационную ('область знания', 'область компетенции'), и человек в ней себя чувствует совершенно свободно, ср.: болг. *плувам* (75), араб. *sabaħa* (55) 'плавает в какой-то области = хорошо в ней разбирается'; иврит *saxah* (15b) 'плавать в материале = быть очень информированным', хинди *tairnaa* (79) 'разбираться в пении'. Ср. также русский фразеологизм *плавает как рыба в воде* (в «чистом» виде русский глагол *плыть* / *плавать* не имеет такого метафорического сдвига), который относится именно к знаниям или компетенции человека, ср. (42): <...> *сам Эдуард Эдуардыч был чужд интересам науки и плавал, как рыба в воде, в спекуляциях* <...> [А. Белый. Москва].

Во всех случаях данная метафора связана с положительной оценкой и характеризует субъект — человека, справляющегося со средой, умеющего свободно в ней ориентироваться — «плавать» (ср. ниже раздел 2.10, в котором рассматривается природа в некотором смысле «противоположной» метафоры плавания — типа русск. *ученик плавал у доски*).

2.4. Плавание как беспрепятственное движение

Плавание — это прежде всего поступательное движение, и если оно осуществляется за счет течения воды, то оказывается самым простым, необременительным способом перемещения, который ассоциируется с идеей свободы и отсутствия препятствий на пути. Неудивительно, что такая метафора представлена в нашей выборке.

В качестве примера возьмем сначала глагол движения вниз по течению из языка коми — *кылавны*. Он употребляется в контекстах типа (84) 'суп легко проходит в горло', где речь идет о физическом беспрепятственном движении. В литовском развитии этой метафоры пошло дальше: там глагол поступательного движения в воде *plaukti* применяется для описания «свободного», беспрепятственного течения событий: (58) '...опыты проходили легко,плыли, чередовались и излагались будто сами собой'. Ср. здесь же глагол движения по течению порт. *flutuar*, употребленный в (48) в значении свободного ориентирования в пространстве, а в (47) — в информационных потоках. Глагол *bahnaa* в хинди и панджаби переносит этот тип движения в социальную сферу — ср. представленное в (120, 121) значение 'плыть по жизни'. Надо сказать, что такое «социальное» значение достаточно распространено — но обычно оно представлено глаголами движения на судах, в особенности парусных. Так, английский глагол *sail* широко используется в контекстах типа (45) 'он с легкостью преодолел пять собеседований', причем в этих случаях он отчетливо противопоставлен другому «транспортному» глаголу плавания — *navigate*, который, как мы говорили выше, описывает движение, предполагающее обязательное преодоление препятствий. *Sail* же, наоборот, означает, что события развиваются легко и удачно, как бы сами по себе. Ср. здесь португальский *singrar* — бывший глагол парусного плавания, основным значением которого стало 'преуспеть в жизни' (113—115); в том же ряду стоит древнегреческий глагол плавания на кораблях $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega$, имеющий (обычно в сочетании с наречием 'прямо') переносное значение 'всё идет как надо' (10—11).

Таким образом, мы можем сказать, что метафора беспрепятственного движения свойственна не только глаголам плавания по течению, но и глаголам плавания на судах (в первую очередь парусных). В этом, конечно, нет ничего удивительного, так как природа этих двух типов перемещения семантически настолько близка, что может и отождествляться — в частности, как мы знаем, в некоторых языках они лексически совмещены. Но тогда для рассматриваемого класса метафор интерес представляет и другой характерный случай лексического совмещения (подробнее см. предыдущую статью — о системах прямых значений глаголов плавания): 'плыть по течению' и 'течь'.

Действительно, анализ материала показывает, что в языках, где эти значения лексически независимы, очень похожий перенос может быть отмечен для глаголов движения жидкости и отсутствовать для глаголов плавания — примером может служить и русский, ср.: *слова льются, текут; деньги текут рекой*, ср. также: *денежные / информационные потоки, течение времени, жизни, мысли текут*. Характерные для 'течь' метафорические субъекты-субстанции: речь, деньги, информация, время, протяженные события — могут быть уподоблены гомогенным движущимся

потокам. В случае лексического совмещения глаголов плавания и течения высока вероятность переносных значений этого рода для глагола плавания. Ср. польск. *plynąć* (40) 'плыл газ по трубам', (47—48) 'жизнь, время'; финск. *solua* 'разговор, слова, жизнь'; шв. *flyta* (42; 45—46) 'ток, деньги, новости, опыт, работа, время, слова', лит. *plaukti* (59) 'слова сами плывут'; (62) 'плыли сообщения по телефону'; (61) '...всему нашему клану будут плыть деньги'.

Метафора беспрепятственного движения, как показывает наш материал, имеет довольно разветвленную сеть связанных с ней семантически производных значений. С одной стороны, она реализуется в свободном скользящем движении по твердой поверхности и по воздуху, с другой — в беспрепятственном (тоже в каком-то смысле скользящем) проникновении внутрь какого-то объекта; наконец, беспрепятственное движение предполагает утрату контроля над движением объекта, его неуправляемость и — как следствие — его исчезновение¹¹. Рассмотрим их по очереди.

2.5. Плавание как скользящее движение по поверхности

Если движение беспрепятственно, свободно, то в случае, когда оно происходит с опорой на твердую поверхность, может возникать зрительный эффект уподобления этого движения пассивному плаванию по поверхности воды — так сказать, скользящему. Сближая движение по поверхности с плаванием, говорящий подчеркивает его особую «плавность», т. е. незаметность его механики: субъект как бы движется самой поверхностью, без видимых усилий.

Такое движение требует особого субъекта в особых обстоятельствах — обычно должно быть не видно его ног, поэтому часто это дамы в длинных платьях, ср. англ. *float* (108—109), лит. *plaukti* (63—64), ср. также коми *кылтны* (80—81) и болг. *плувам* (74) 'балдахин плыл по земле'¹². Любопытно, что в английском, нидерландском и шведском в контекстах, касающихся движения женщин, используются не только глаголы пассивного плавания (типа *drift* и *float*), но и глаголы плавания под парусом (*sail*, *zeilen* и *segla*). В качестве субъекта плавного движения по поверхности возможны также пары в танце, ср. русск. *пары плыли в вальсе*, финск. *solua* 'поток учеников вливается в класс'. Возможно в качестве субъекта и транспортное средство, следующее мимо наблюдателя и «проплывающее» мимо него, а с другой стороны — если наблюдатель сам едет в достаточно медленно движущемся транспорте — видные ему из окна предметы, ср. русск. *троллейбус плывет, мимо троллейбусного окна плыло Садовое кольцо*, а также лит. *plaukti* (65—66) и финск. *lipua* 'мимо нас плывущие сады'.

Еще один распространенный класс субъектов — общий у глаголов плавания и глаголов течения с тем же метафорическим значением — это потоки людей, машин и под. — толпа, на которую наблюдатель смотрит несколько сверху и у которой тоже поэтому «не видно ног» (ср. русск. *толпа плыла*). Особенно естественна метафо-

¹¹ Надо сказать, что все эти производные значения могут реализовываться и как результат сдвига значения глаголов течения — такие случаи мы будем по возможности отмечать.

¹² Пример менее стандартного для нас субъекта плавного движения демонстрирует глагол *bah-* в хинди: это белый слон, см. (116).

ра с субъектом-потокком для языков, лексически совмещающих плавание с течением, ср. польск. *plynąć* (38), лит. *plaukti* (60), хинди *bahnaa* (92), шв. *flyta* (41, 45).

Замечание

Мы уже говорили, что метафорика глаголов движения жидкости в зоне беспрепятственного движения — и в том числе движения по поверхности — значительно шире, чем глаголов плавания (к этому факту мы еще не раз будем возвращаться). В частности, здесь мы хотели бы обратить внимание, что метафоры течения воды не предполагают (в отличие от метафор плавания по течению) строгого направления, ср., например, лат. *flutare* 'течь' в (62) 'учение Пифагора широко плывет = распространяется' (то же значение представлено и у древнегреческого глагола со значением 'течь').

2.6. Плавание как перемещение по воздуху

Если говорить о беспрепятственном движении, то перемещение по воздуху бесспорно является одним из самых характерных его проявлений, засвидетельствованных почти во всех языках, где глаголы плавания употребляются переносно, — эта метафора значительно более распространена, чем метафора «плавного» движения по поверхности. Но в этом разделе мы намеренно рассмотрим связь плавания и летания возможно более широко — поскольку языковые представления о связи воды и воздуха не ограничены концептом беспрепятственного движения.

Прежде всего заметим, что это, пожалуй, единственный тип переносного значения, который в одних языках свойствен глаголам активного, а в других — пассивного плавания, — для «настоящей» метафоры, опирающейся на зрительный образ движения, такое соединение необычно. В принципе, можно было бы вообще не считать этот сдвиг значения метафорой, потому что и исходная, и конечная ситуации описывают физическое движение, только в разных средах: первая в водной, а вторая — в воздушной. С теоретической точки зрения особенностью данного переноса по сравнению со стандартной метафорой является то, что смена таксономического класса аргументов не влечет здесь автоматически, как в обычной метафоре, смену таксономического класса самого глагола: аргументы меняются, а глагол как бы сохраняет свою семантику, «не реагируя» на замену воды воздухом. И действительно, есть языки, которые объединяют движение в этих средах, полностью сливая соответствующие значения в одной лексеме. Так ведут себя, например, корейский — ср. *ttuta*, или японские — *уку* / *укабу*, *тадаёу*, а также англ. *drift* и *float*, фр. *flotter* и глаголы других романских языков с тем же корнем. Правда (и это, конечно, очень существенное обстоятельство), в этих языках объединяются *не все* типы плавания и летания, а только некоторые: обычно это пассивные глаголы нахождения на поверхности воды (возможно, совмещенные с движением по течению), поэтому если они применимы к птицам, то скорее всего описывают движение, похожее на парение. С другой стороны, часто носители отчетливо осознают глагол нахождения в воде как исходный, и тогда — как, например, в русском для *плавать* или в хинди для *tainaa* (54—59) — соответствующее значение 'находиться в воздухе', по-видимому, надо признать переносным.

Обратим внимание, что глаголов активного плавания, полностью «слитых» с летанием, когда воздушная и водная среда для носителя языка тождественны, нам не встретилось. Достаточно часто, однако, активные глаголы плавания служат источником для метафоры движения в воздухе: ср. араб. *sabaħa* (53—54), кар.-балк. *дэюзерге* (8), порт. *nadar* (22), удм. *уяны* (111), хак. *чыос* (8) — обычно это метафора направленного движения; так же ведут себя и глаголы плавания по течению, такие как кит. *pīāo* (40), хинди *bahnaa* (96), сельк. *kīrūqo* и др. Субъектами во всех этих случаях оказываются прежде всего облака (облака «плывут» почти во всех рассмотренных нами языках), но также и туман, дым, небесные светила, иногда птицы и летательные аппараты.

Особый интерес представляют запахи, свет и звуки: так же, как дым, пыль, туман, искры и под., они не только «плывут» (обычно по направлению к наблюдателю), но и ненаправленно «плавают» в воздухе (т. е. как бы «парят»; ср. здесь русск. глагол *витать*). В последнем случае источником метафоры являются, как правило, глаголы нахождения на поверхности воды, ср. порт. *flutuar* в примерах (43—44): 'запах махуаны плавает', 'голос парит'; тамил. *mita* (39) 'в доме сильный запах сандала'¹³.

Еще одним нетривиальным, но довольно характерным субъектом в классе метафор летания является материя, развевающаяся на ветру, ср. опять-таки англ. *float* (106—107), порт. *flutuar* (45) 'развевается триколор', а также турецк. *yüzmeç* (70) 'реющий флаг'. Источником здесь в нашей выборке оказались в большинстве своем глаголы пассивного плавания, совмещающие значение нахождения на поверхности и движения по течению. Теоретически оба эти значения могут быть «донорами» данного семантического переноса: первое — как аналог колебательного движения, а второе — как бы поступательного: по направлению ветра. С этой точки зрения интересно, что встречаются и «чистые» глаголы пассивного плавания (а если совмещенные, то со значением течения воды), которые тоже демонстрируют значение движения в воздухе для материи: англ. *drift* (83) 'развевующийся плащ', лат. *flutare* (52) 'развеваются паруса'¹⁴.

Таким образом, из глаголов плавания в глаголы летания благодаря метафорическому сдвигу могут переходить: глаголы активного плавания, глаголы движения по течению и глаголы течения, глаголы нахождения на поверхности. Как видим, в этом списке нет только глаголов плавания судов — однако глаголы парусного плавания легко переходят в глаголы летания и могут обслуживать довольно широкий класс субъектов, ср. англ. *sail* (39—41) 'облако, птица, шляпа летит (в грязь)', нем. *segeln* (99—100) 'облака, птицы, перья, листы бумаги летят', финск. *purjehtia* 'облака летят', шв. *segla* (34—35) и след.: 'парящие птицы, бабочки, воздушный шар, планер, листья, пылинки, искры, тучи, дым, луна, солнце, мяч'.

Обращает на себя внимание, что способ движения в воздухе, который обозначают парусные глаголы, тоже самый разнообразный: от активного поступательного движения до почти

¹³ Парить как плавать на поверхности могут и физические объекты, а не только вещества — ср. примеры (31—32) с тамильским глаголом пассивного плавания *mita* (о птице, самолете).

¹⁴ Ср. также метафору собственно глагола движения воды *defluere* по отношению к одежде в латинском языке: (73) 'тога спускается' — так сказать, «стекает вниз».

незаметного — парения в воздухе. Разнообразие настолько очевидно, что на базе анализа сочетаемости этих глаголов легко составить инвентарь типов полета в воздухе. Во-первых, это полет птицы — активный и направленный, во-вторых, это направленный, но пассивный полет облаков и других легких объектов по ветру, в-третьих, полет брошенного предмета (мяч), затем ненаправленное движение — активное (пчел, птиц) — в четвертых, и пассивное (пылинок, искр и под.) — в-пятых; и наконец (в-шестых), парение птиц и (в-седьмых) «повисание» в воздухе легких субстанций (ср. облака, туман, дым, запах).

Первый класс движения в воздухе плавательными глаголами выражается редко, и обычно это глаголы течения или парусного плавания, ср. англ. *drift, sail*, финск. *lipua* 'журавлиный клин плывет по небу', лат. *nare* (47) 'плывет в знойном воздухе рой пчел'; в нескольких языках из нашей выборки зафиксирована связь (синхронная или историческая) «настоящего» полета птицы с перемещением по воде — через глагол со значением 'грести' (порт. *remar*, др.-греч. ἑρέσσω и финск. *soutaa*). Второй тип движения — как мы уже говорили, самый распространенный, потому что его источником служат глаголы и активного, и пассивного, и парусного движения по воде. Третий тип практически не представлен нашими глаголами плавания — за исключением одного контекста для шведского парусного глагола *segla*; четвертый — не представлен совсем, пятый, шестой и седьмой хорошо выражаются глаголами нахождения на поверхности воды.

Такая типология ситуаций летания очень интересна для сопоставительных лингвистических описаний: дело в том, что источниками метафоры летания могут быть и другие глаголы — и наоборот, некоторые типы летания могут совмещаться с другими типами движения. Подробнее об этом пойдет речь в специальной статье нашего сборника «К типологии глаголов 'летать' и 'прыгать'». В частности, в ней показано, что слабо представленный глаголами плавания первый тип (полет птицы) может совмещаться с прыганием, а практически отсутствующий как результат сдвига плавательных глаголов третий тип (полет мяча) может совмещаться с падением. С другой стороны, ни у прыгания, ни у падения нет связи со статичными типами ситуации летания (пятым, шестым и седьмым), где как раз глаголы плавания (а точнее, нахождения в воде) оказываются мощным источником метафоризации.

2.7. Плавание как беспрепятственное проникновение

Семантика беспрепятственного проникновения получает естественное развитие из идеи беспрепятственного движения: акцент на конечный пункт такого движения возникает ввиду стандартного метонимического переноса (в семантической теории он называется *goal-bias*, или семантический сдвиг значения в сторону цели, конечного пункта движения — см., например, [Ikegami 1987; Stefanowitsch, Rohde 2004], подробное обсуждение этой проблемы см. также в [Майсак, Рахилина 1999; Майсак 2005: 114—115]). Этот тип переноса, как и в целом метафора беспрепятственного движения, иллюстрируется глаголами движения (скольжения) по течению и близкими им глаголами парусного плавания, ср. финск. *purjehtia* 'плавно входит в комнату', финск. *lipua* 'шайба попадает в ворота', хинди *bahnaa* (119) 'кинжал вошел в сердце', польск. *plynąć* (42) 'темнота просачивалась (букв.: вливалась) в залу через маленькое окошечко', ср. также финск. *uida* в контексте абстрактного движения в (12) 'ЕС проник в повседневную жизнь'¹⁵.

¹⁵ Интересно, что глаголы со значением течения (и, соответственно, глаголы плавания, совмещенные с глаголами течения) демонстрируют переносные значения, акцентирующие

В русском языке нет коррелята такому значению среди метафор глаголов плавания. Сходное значение выражается глаголом *скользнуть* — ср. приемлемость переводов на русский с этим глаголом для приведенных выше метафор: (*про*)*скользнул в комнату*; *шайба скользнула в ворота*. Выбор этого глагола неслучаен: в *скольжении*, т. е. движении по гладкой поверхности, тоже проявляется идея беспрепятственного движения. Любопытно, что в некоторых языках глаголы плавания и скольжения настолько сблизились, что стали квазисинонимами. Например, английское *glide* часто может служить переводом русск. *плыть* — например, для описания движения парусников или крупных водоплавающих птиц, таких как лебеди. Русский язык эти глаголы достаточно хорошо противопоставляет, так как *скользить* делает акцент на качестве поверхности: поверхность такая ровная, что движение по ней беспрепятственно, быстро. Правда, такое движение не всегда комфортно, потому что легко упасть; по этой причине скользкие поверхности с точки зрения русской метафорики вообще не очень приятны (ср. *скользкий человек*, *скользящая тема*; ср. также *вор проскользнул в темноте*; *чашка выскользнула из рук*¹⁶). *Плыть* же в метафорических контекстах беспрепятственного движения делает акцент на качестве движения как такового: это, как мы уже отмечали, грациозное, легкое и незаметное глазу перемещение. Повидимому, весь комплекс этих свойств и «впитывает» в себя английское *glide*, не имея, в отличие от русского *скользить*, никаких отрицательных коннотаций. Поэтому ни англ. *glide*, ни русск. (*в*)*плыть* невозможны для выражения идеи тайного, заперщенного (хотя и беспрепятственного и незаметного) проникновения — например, в чужую комнату. Для этого используются совсем другие глаголы — в английском, например, *sneak* ‘красться’, а в русском — как раз годится *скользнуть*.

Однако, как выясняется, семантические связи ‘скользить’ и ‘плыть’ замыкаются: в карачаево-балкарском языке глагол направленного плавания *джюзерге* имеет, повидимому, как раз то самое значение, которое отличает русск. *скользнуть*, а именно, ‘шмыгнуть в чулан’, а груз. *curva* (обобщенное плавание) переносно употребляется в контекстах типа ‘шел и поскользнулся / нога на льду поехала’.

2.8. Плавание как утрата контроля над объектом

Движение может стать свободным потому, что над ним полностью или частично потерян контроль — поэтому частым развитием метафоры свободного, беспрепятственного движения для глаголов плавания по течению является ситуация утраты контроля над перемещением: субъект движется, причем обычно отдаляясь от наблюдателя, и его движение отклоняется от обычного курса, ср. нем. *driften* (86) ‘Косово движется к войне’ или (с приставкой со значением ‘друг от друга’) (88) ‘текст и музыка расходятся’. Шведское *driva* уже имеет значение ‘отклонение от

исходную точку движения, т. е. ‘течь’ в значении ‘вытекать’, ср.: лат. *fluere* (69—71) ‘слово течет из греческого’, ‘милости проистекают от Юпитера’; ср. также логическое значение ‘вытекать’, развившееся у польского *plynąć*: (49—50) ‘опрос, из которого ясно вытекало, что крайние правых терпеть нельзя’; ‘сила демократического мира (...) вытекает из непоколебимости’.

¹⁶ Ср. здесь замечание Г. И. Кустовой в [Кустова 2000: 50] о том, что «характерными контекстами для этого глагола являются *тайком* и *незаметно*»; см. также [Кустова 2004: 378—379].

курса' в качестве основного (ср. также метафорическое для этого глагола: 'политического деятеля заносит влево').

Подобные употребления встречаются и у основного немецкого глагола *schwimmen*, ср. (26): 'машину занесло' (букв.: 'машина поплыла'); ср. также яп. *нагарэру* (27) 'Дискуссия перешла в оторванный от реальности абстрактный спор', хинди *bahnaa* (108), финск. *lipua* 'деньги проплыли мимо', (40) 'Россия отдалается (= Россию уносит) от демократии'.

В русских переводных коррелятах данной метафоры — *унесло, занесло* — подчеркиваются неконтролируемость, удаление от наблюдателя и отклонение от исходного маршрута; интересно, что в прямом значении эти русские глаголы хорошо применимы и к движению в воде по течению.

2.9. Плавание как исчезновение объекта

Естественным развитием только что рассмотренной ситуации потери контроля над движением является исчезновение субъекта, ср. русск. *деньги уплыли* в значении 'деньги исчезли' (как бы самопроизвольно двигаясь) — ср. здесь аналогичный корейский пример (83) с глаголом пассивного плавания *ttuta*. Имеется в виду исчезновение предмета из сферы обладания, исчезновение его из поля зрения наблюдателя или из области привычной локализации — все эти возможности представлены в языках как результаты метафоризации глаголов направленного пассивного плавания, а также плавания под парусом. Ср.: англ. *sail* (47—48) 'исчезнуть из истории', 'мечты исчезли'; точно такой же контекст 'мечты уносит' встретился среди примеров на глагол *bhasa* в конструкции с общим глаголом в языке бенгали (60); ср. с тем же глаголом (54) 'ночь уплывает' и др. Очень похоже употреблен глагол *vah-* в панджаби в примере (103) 'надежды уплыли', он же употреблен в (102) в значении 'девушка исчезла, умерла'. Некоторые примеры из других языков: коми *кылавны* (83) 'глаза закатились', яп. *нагарэру* (24) 'заложенные часы пропали (так как я их вовремя не выкупил)'.

Интересно, что в языках, где значение 'плыть' совмещено с 'течь', встречается метафора исчезновения с акцентом на исходном пункте движения (см. здесь сноску в разделе 2.7, где похожий эффект обсуждается в связи с метафорой беспрепятственного проникновения). Ср., например, чуваш. *юх* 'высыпаться', *хййър юхатъ* 'песок высыпался'; 'линять — о шерсти, волосах', ср. *кушкӑн сӑме юхатъ* 'кошка линяет' [Скворцов 1985]; такие метафоры есть и у собственно глаголов течения, ср. лат. *defluere* 'фрукты падают', 'оружие выпадает', 'волосы выпадают'.

2.10. Плавание как утрата формы

В этом случае глаголы поступательного движения по воде или глаголы течения применяются к сугубо статичным субъектам — «плавание» их осмысливается как плавная, постепенная потеря исходной формы, как если бы одна часть в целом статичного предмета имела возможность свободно двигаться относительно другой (так

что идея беспрепятственного движения в пространстве сохранена) — поэтому субъекты не могут обозначать предметы или кванты вещества жесткой формы, они должны быть изначально пластичны — ср. русск.: *свеча оплывает, воск / металл / тушь на глазах плывет*, ср. также перс. *šenāvar budan* (49) ‘асфальт потрескался’.

Так же ведут себя изображения: они тоже как бы теряют первоначальную форму, ср. яп. *нагарэру* (25) ‘в телевизоре изображения искривляются’, порт. *flutuar* (51) ‘расплываются координаты на пленке’, кор. *heuyem chita* (31) ‘буквы в книгеплыли перед глазами’, а кроме того пример с обобщающим субъектом — ‘у меня все плывет перед глазами’, характерный для многих языков: бенг. *bhasa* (76), болг. *плувам* (83), лат. *nare, natare* (58—59), нем. *schwimmen* (30), русск. *плыть*.

Новая ступень метафоризации — это перенос свойств неодушевленной материи на ментальное состояние человека или, метонимически, на самого человека. Речь идет о потере человеком «внутренней формы» — т. е. контроля за своими мыслями и поведением. Такое состояние может возникать во сне, при опьянении, под воздействием какого-то сильного впечатления и под. Ср. нем. *schwimmen* (33) ‘голова плыла, как будто он напился’, хинди *bahnaa* (99) ‘я была очарована (букв. «плывущая пошла») его характером’, ср. также русск. разг. *поплыть*, как в (33) *свидетель поплыл*, т. е. начал давать показания, утратив волю к сопротивлению¹⁷.

Еще раз обратим внимание, что речь, по-видимому, идет о своеобразной разновидности метафоры бесконтрольного движения, для которой исходными являются глаголы пассивного поступательного перемещения в воде и течения¹⁸. Следующие группы метафор не связаны с идеей беспрепятственного движения: они выявляют другие свойства глаголов движения и нахождения в воде.

2.11. Плавание как неустойчивое положение в пространстве

Этот метафорический сдвиг характерен для пассивных глаголов плавания, обслуживающих зону ‘нахождение на поверхности воды’. Базой для метафоры в них служит образ нестабильного, неустойчивого положения субъекта, который держится на воде, качаясь из стороны в сторону. Очень частотна в языках такая метафора по отношению к курсу валюты, ценам и другим экономическим показателям — причем, по-видимому, дело не в универсальности самого языкового образа, а в том, что область экономической терминологии по необходимости калькируется с английского, ср.: англ. *floating rate* и его стандартный русский перевод *плавающий курс валюты*, и в том же контексте шв. *flyta*, перс. *šenāvar budan* (45) и др. В некоторых языках эта английская метафора получает дальнейшее развитие, ср. в порт. *flutuar* (54) ‘цены

¹⁷ Оказывается, этот тип метафоры распространен в профессиональном жаргоне боксеров: в боксе *поплыл* означает ‘перестал фиксировать взгляд’, т. е. фактически контролировать ситуацию (об этом нам сообщил наш коллега М. Ю. Михеев, который сам когда-то занимался боксом). О различии между метафорами типа ‘свидетель поплыл’ и ‘ученик плавал у доски’ см. следующий раздел.

¹⁸ С этой точки зрения интересен корейский, где в качестве источника метафоры потери формы возможен активный глагол (*heuyem chita*) — правда, вдобавок к пассивному (*ttuta*).

колеблются»; перс. *šenāvar budan* (46—48) 'экономика кино / направление производства стала нестабильной (букв. «плавающей»)', 'изменяющиеся (букв. «плавающие») потребности' — ср. также англ. (98) *floating population* 'нестабильное население'.

В то же время неустойчивость может относиться и к буквальной, физической неустойчивости предмета, ср. англ. *floating rib* 'плавающее ребро', а также финск. с глаголом *uida: uiva lattia* — 'плавающий пол' (т. е. шаткие доски в полу). Ср., кроме того, лат. *fluctuare* (53) 'нетвердый строй войск'; порт. *boiar* (70) 'джинсы болтаются на талии' и — с абстрактными именами — кор. *phyolyu hata* (89—94): 'вопрос повис', 'отношения между странами нестабильны', 'переговоры плавают', 'общество / план обучения дрейфует'.

Субъектом метафоры такого типа может стать и человек — тогда он демонстрирует неуверенное поведение, другими словами — колеблется¹⁹, ср. лат. *natare* (54) 'разум колеблется' (букв. «плавает») и то же значение с двумя другими латинскими глаголами — *fluere* (56) 'колебаться духом' и *fluctuare* (57) 'колебаться между надеждой и страхом'. «Наследник» последнего в португальском, *flutuar* сохраняет это значение и в современном языке, ср. его употребление в примере (53) 'Ширак колеблется'. В продолжение этого варианта метафоры, неуверенное речевое поведение, характерное в первую очередь для ситуации ответа на экзамене (когда ученик нетвердо знает материал), тоже описывается как физически неустойчивое положение в пространстве — т. е. как плавание, ср. русск. *ученик плавал у доски* (= 'плохо знал тему'); ср. также пример (41). В точности то же употребление встречается у лит. *plaukti* (71), нем. *schwimmen* (28—29) 'актер не выучил роль', 'экзаменующийся поплыл', и нидерландского *zwellen* (43) 'плохо знали ноты'. Любопытно, что, несмотря на кажущуюся близость ситуаций потери формы объектом и его неустойчивого положения в пространстве, исходные глаголы, которые попадают в группы 2.11 и 2.10, почти не пересекаются: если неустойчивое положение связано со статичным плаванием как семантическим источником, то потеря формы представляется как процесс, который более мобилен, и для него исходными являются скорее глаголы поступательного движения по воде и глаголы течения²⁰.

2.12. Плавание как беспорядочное движение

Это еще один класс метафор, своеобразно отражающих нестабильное положение субъекта. Такой семантический сдвиг касается глаголов движения в воде (как ак-

¹⁹ Обратим внимание, что само русское слово *колебаться*, в исходном значении обозначающее физическую неустойчивость (в том числе и на воде: *блики света колеблются на поверхности озера*), метафорически применимо к неуверенному речевому и ментальному поведению человека: мы говорим *колеблется* про человека, который не может выбрать между вариантами какого-то решения или ответа.

²⁰ В этом отношении любопытно сравнить метафоры типа 'свидетель поплыл' (раздел 2.10) и 'плавает, отвечая на вопросы' (раздел 2.11): в первом случае речь идет об изменении состояния, т. е. динамической ситуации, — ср. в близком значении 'раскололся', а во втором — об относительно стабильном состоянии неуверенности и колебаний, в котором субъект пребывает, т. е. в некотором смысле о статической ситуации.

тивных, так и пассивных, а также «судовых»), способных описывать ненаправленное перемещение — хотя бы в контексте наречных модификаторов. Ср. англ. *drift* (72) 'толпы людей шатаются от бара к пивной', хинди *bahnaa* (111) 'на протяжении вечеринки переходить (перетекать) от одной группы к другой', бенг. *bhasa* (56—57), кит. *yóu* (17—18), яп. *тадаёу* (65) и *нагарэру* (23) в значении 'странствовать, бродяжничать', шв. *driva* (в сочетании с наречием со значением 'вокруг') 'шляться, слоняться', а кроме того финск. *ajelehtia* 'народ <бегал> туда-сюда' и (результативное) 'одежда / стулья валялись вокруг'.

2.13. Плавание как нестабильность эмоций

В данном случае состояние (в основном эмоциональное) является не обильной средой, как в примерах типа 'плавать в счастье, радости, любви, во лжи, в славе, в страхах, в надежде' и под. (см. 2.1в), а *субъектом* глаголов плавания — и в этом качестве оно уподобляется веществу, колеблющемуся в сосуде, — поэтому здесь опять, как в разделе 2.10, в качестве источника метафоры используются глаголы плавания пассивной зоны. В качестве сосуда — вместилища для эмоций (в данной конструкции это синтаксически обязательный аргумент) могут представляться самые разные объекты, так или иначе связанные с носителями эмоций, но в первую очередь глаза и лицо человека, а нестабильность связана с тем, что эмоции в этом пространстве распределены как бы неравномерно и вдобавок изменчиво. Ср. перс. (43) *šenāvar budan* 'радость плавала в его глазах', сербохорв. *пливати* (82) 'страдание плавало в глазах'; ср. также (метонимически) о носителях эмоций: 'по лицу / на губах бродила (букв. «плавала») улыбка' — порт. *sobrenadar* (77), яп. *тадаёу* (66). Хинди расширяет круг употреблений данной метафоры за счет того, что допускает чисто пространственные и ментальные (типа: 'в мозгу, сознании') локализации. Эта особенность хинди понятна, потому что в качестве глагола пассивного нахождения на поверхности в этом языке выступает, как мы знаем, глагол активного плавания (*tairnaa*), поэтому здесь семантика нахождения, существования смыкается с семантикой активного движения в пространстве, в первую очередь воздушном. Значит, в каком-то смысле для этого языка происходит совмещение метафор 2.13 и 2.6, ср. (61) 'ощущение рождества плавало в доме', (62) 'атмосфера лени и праздности присутствует в рассказах Нирмала', (63) 'рядом со мной ощущалось присутствие того человека', а также (66) 'в сознании плавают строчки из стихотворения' и др.

В русском такая метафора встречается для глагола *плавать*, а кроме того сходный перенос имеет семантически близкое ему слабоконтролируемое *плескаться*. Любопытно, что выбор *плескаться* в качестве аналога воспроизводит двойственную природу данной метафоры, у которой в качестве источника встречаются и активные глаголы (ср. сербохорв. *пливати*), и «сверхпассивные», со значением нахождения на поверхности (ср. порт. *sobrenadar*). Это уникальное для метафорических сдвигов совмещение прекрасно отражается в семантике *плескаться*: в исходном значении его субъектом является и (относительно статичная) вода, и (вполне активное) живое существо на поверхности; в последнем случае этот глагол может вступать в конкуренцию с некоторыми употреблениями *плавать*, ср. неметафорическое *Утки плескались у берега* и метафорическое *Радость плескалась в его глазах*.

2.14. Всплытие как появление в поле зрения наблюдателя

Этот семантический сдвиг свойствен тем глаголам плавания, которые одновременно с пассивным нахождением на воде выражают всплытие. Именно 'всплытие' является исходным значением для метафоры появления субъекта в поле зрения говорящего: как если бы нечто находилось «под водой» и было невидимо глазу, а потом обнаружило себя, появившись на поверхности²¹. Хороший пример яркой антропоцентричной метафоры этого типа с предметным именем — выступившие слезы или пот: яп. *уку* (34) 'пот выступает на лбу' (в том же контексте возможен и кит. *фи*), яп. *укабу* (49) 'слезы навернулись на глаза', ср. аналогичный пример (70) из хинди с глаголом *tairnaa*.

На следующем шаге таксономического сдвига — к непередметному имени — субъектом в этом подклассе становится эмоция или ее проявление: яп. *укабу* (51—52) 'на его лице появилось выражение недовольства / выразился страх', хинди *tairnaa* (74), кит. *фи* (55) 'улыбка промелькнула / играла на лице'.

Прототипической для метафор данного типа, как и в других случаях, следует признать физическую ситуацию перехода предмета из невидимого говорящим пространства в видимое: например, появление из тьмы, из тумана и др. Тогда акцент делается на процессе, а не на результате такого абстрактного движения и важным становится исходный пункт, т. е. непрозрачная среда, которая скрывала субъект движения прежде — ср. яп. *укабу* (50) 'из тумана вырисовывается гора Фудзи', яп. *уку* (36) 'лицо выступило из сумрака', ср. также бенг. *bhasa* (62) 'лицо выступило из водного зеркала'. Для исходной ситуации «настоящего» всплытия такая модель управления нехарактерна, потому что исходная среда раз и навсегда определена как вода. Зато в исходных контекстах естественна локативная валентность места — она описывает, где, в каком водоеме или в какой части водоема всплытие произошло, ср.: кит. *всплыл в самом широком месте Темзы*. Метафорические употребления сохраняют возможность такого варианта модели управления: тогда локативная валентность задает рамки наблюдаемого пространства: хинди *utraa-* (84) 'кабульцы стали заметны в городе' и менее стандартное (85) 'ребенок мешается под ногами' с тем же глаголом. Место физического субъекта, появившегося в реальном пространстве может занимать и возникшее событие, ср. с араб. *Tafa*: в (60) 'проявились разногласия в новом правительстве'.

В следующих примерах, в соответствии с законами развития метафоры, зрительное пространство наблюдателя меняется на ментальное, которое выражено той же локативной группой. Русский глагол *всплыть* употребляется именно в этом подклассе контекстов, ср. русск. *образ всплыл в памяти*; в бенгали встречаются анало-

²¹ Поэтому шведский пример с глаголом другой семантики — отыменным со значением плавания под парусом — *segla upp*, ср. (40) 'возникает конфликт', имеет, с нашей точки зрения, иную природу. Скорее всего, его интерпретация в значении появления возникает из зрительного образа надувающихся парусов. Действительно, в контексте наречия *upp* ('вверх') хорошо просматривается семантика вздутия, увеличения, а значит, и как бы появления в зрительном пространстве наблюдателя паруса — отсюда и тот не совсем стандартный сдвиг в значении этого глагола, о котором свидетельствуют примеры его употребления.

гичные примеры с глаголом *bhasa* (64), ср. также яп. *укабу* (53) ‘перед глазами (букв. «на веках») появился образ матери’, кит. *fú* (52—54) ‘прошлое вновь всплыло перед глазами’, ‘перед глазами всплыли родные места / позабытые лица’, порт. *ficar a boiar* (67) ‘значение слова всплыло в памяти’. В том же ряду стоят примеры, описывающие внезапное озарение мыслью: яп. *укабу* (53) ‘подобные проблемы не приходили им в голову’ (букв. «не всплывали в груди»), то же значение у кор. *ttuta* (82), яп. *укабу* (54), груз. приставочного глагола всплытия *a-mo-t'ivi'ivi* (97).

В еще более абстрактных контекстах субъект появляется не в реальном физическом пространстве и не в сознании человека, а просто в мире говорящего — и тогда локативная группа оказывается лишней, ср. груз. приставочное *a-mo-t'ivi'ivi* (95—96) ‘появился термин, всплыли новые имена’, яп. *укабу* (56) ‘обнаруживается подозреваемый’.

Японский, в котором, как мы видели, этот метафорический сдвиг очень хорошо разработан, к обычным производным значениям, представленным и в других языках, добавляет уникальное: в некоторых контекстах японский глагол *уку* значит ‘сэкономить’, ср. (40) ‘...сэкономил два часа’ (букв. «и два часа всплыли») или (41) ‘...сэкономить соответственное количество валюты’ (букв. «и всплывет соответственное количество валюты»).

3. Некоторые обобщения

3.1. О повторяемости метафор

Самое простое, но в некотором смысле самое важное наблюдение, которое можно сделать по материалу предыдущего раздела, — то, что, вопреки всем ожиданиям индивидуальности метафорических сдвигов, они с достаточной степенью регулярности повторяются в разных, в том числе и генетически очень далеких или не связанных между собой языках. Например, только что рассмотренный в разделе 2.14 метафорический контекст, производный от глаголов всплытия ‘появилась идея’, повторяется (часто практически дословно) в японском, грузинском, китайском, бенгали и других языках.

В то же время повторяются вовсе не все контексты: одну и ту же метафору разные языки «разрабатывают» в разной степени. Скажем, если говорить о глаголах всплытия, японский охватывает все пространство возможностей их метафоризации — начиная с сугубо физических контекстов (‘на глазах выступили слезы’ или ‘гора выступила из тумана’) и далее — усиливая степень семантической удаленности от исходной ситуации: ‘образ матери всплыл в памяти’, ‘в голову пришла мысль’, ‘всплыл подозреваемый’, ‘всплыли два часа’. Между тем арабский или корейский «пропускают» физические метафоры и представляют только достаточно абстрактные ситуации: в корейском с глаголом всплытия возможно ‘в голову пришла мысль’, а в арабском — ‘в правительстве возникли разногласия’.

С нашей точки зрения, разница в поведении языков мотивирована семантическими особенностями представленных в них исходных глаголов, и поскольку мы

носители русского языка, нам это легче проиллюстрировать на русском материале. Правда, русское *всплыть* как дериват от глагола направленного плавания *плыть*, образованный приставкой со значением 'вверх', в строгом смысле не входит в класс глаголов плавания, потому что обозначает только процесс всплытия, но не совмещает его с плаванием на поверхности (это значение остается за *плавать*). Тем не менее случай *всплыть* довольно интересен, потому что этот глагол способен выражать некоторые (но не все!) значения из полного («японского») списка: по-русски говорят *всплыл в памяти* (образ, картина, лицо), а также *всплыл подозреваемый*, но не: **всплыли слезы* (говорят: *выступили*) / *вопросы* (говорят: *возникли*) / *два часа* (говорят: *появились*) и др., и, как кажется, такая его избирательность вполне объяснима. Дело в том, что русское метафорическое *всплыть* воспроизводит и подчеркивает идею своих исходных употреблений — что предмет, который самопроизвольно переместился на поверхность из глубины, до этого там, в глубине, какое-то время находился. Поэтому если у ситуации появления нет презумпции предшествовавшего существования субъекта, в контексте *всплыть* она неприемлема. Таким образом, не *всплывают* ни слезы и пот, ни неожиданно возникшие идеи, ни новые термины, ни вдруг образовавшееся лишнее время — зато *всплывает* все давно забытое: слова, картины детства, образы ушедших людей или скрытое до поры: недоделки строительства — при проверке, дополнительные факты — при новом обследовании, подозреваемый — при анализе уже имеющихся данных и др.

Понятно, что детальный анализ семантической стратегии каждого языка превышает наши возможности — стратегий может быть множество. Существенно, что они вовсе не обязательно повторяют наши логические построения, касающиеся развития метафор: от физических контекстов к абстрактным. Эти построения помогают нам систематизировать собранный материал и представить его наглядно, — что же касается судьбы каждого глагола, ища ее мотивы, прежде всего надо рассматривать этот глагол в контексте квазисинонимов того же языка и уже потом в более широком типологическом контексте.

3.2. О разнообразии типов метафор

Метафор в зоне глаголов плавания много: мы насчитали четырнадцать типов, если не учитывать мелких вариаций. Для каждого мы подробно описали механизм образования — т. е. те таксономические сдвиги, которые произошли в зоне субъекта и среды, косвенно подтвердив само существование такого типа метафоры. И все-таки четырнадцать — это очень значительное число для относительно небольшого семантического поля, которым является движение в воде: значит, исходную ситуацию плавания можно отождествить с *четырнадцатью* разными другими ситуациями — что мы и наблюдали в предыдущем разделе: с одной стороны, свободная ориентация (2.3), с другой — неустойчивое положение в пространстве (2.11); с одной стороны, беспрепятственное движение (2.4), с другой — преодоление среды с приложением усилий (2.2), и т. д.

Но все-таки не следует забывать, что исходной для этих метафор была не *одна и та же* ситуация плавания, это были *разные виды* плавания, и у каждого — свой на-

бор довольно устойчивых ассоциаций. Если принять эту гипотезу и провести последовательный анализ, то для наших глаголов выделяются следующие группы метафор:

- активного взаимодействия со средой (2.1—2.3, 2.6);
- свободного плавания по течению (2.4—2.10, 2.12);
- нестабильного нахождения в воде и итеративного движения (2.6, 2.11—2.13),
- всплытия (2.14).

Покажем, что эти группы метафор в принципе достаточно независимы — рассмотрим их отдельно.

Метафоры **активного плавания** кажутся устроенными сложнее всего — между тем имеется всего три типологически устойчивых признака, которые лежат в основе метафорического развития этой ситуации: во-первых, это идея нахождения субъекта в обильной среде (2.1), во-вторых, это преодоление такой среды (2.2) и, в-третьих, успешный результат этого процесса, т. е. победа над средой (2.3)²², см. рис. 1.

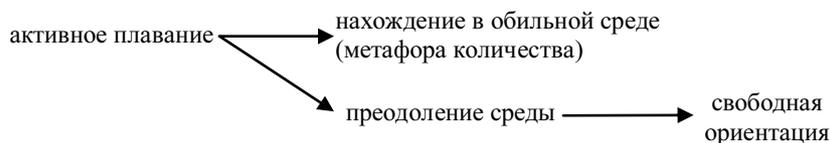

Рис. 1. Метафоры активного плавания

Все эти аспекты активного плавания вполне укладываются в цельный образ — его можно было бы описать как **активное взаимодействие субъекта со средой**, — отдельные грани которого, как мы наблюдали, профилируются в конкретных типах метафорического переноса.

Бесспорный теоретический интерес здесь представляет метафора количества (типа *купаться в золоте*). Известные нам метафоры, касающиеся количества объектов, выражены именными группами (ср. *гора книг*) — здесь же предикат — в подавляющем большинстве случаев — активного плавания²³ выражает количественную характеристику своего (причем с синтаксической точки зрения не основного, а локативного) аргумента — среды движения. Все дело, конечно, в нетривиальных свойствах среды плавания — малоестественной для человека и очень плотной, поэтому хорошо ощущаемой (воздух, например, как среда — просто незаметен). Отсюда, как кажется, и возникает эта метафора: как результат восприятия среды, которое возможно только для активного субъекта.

²² Особо нужно учитывать сдвиг значения, при котором водная среда меняется на воздушную, но сохраняется особый способ движения, свойственный плаванию (2.6).

²³ Имеется три исключения: пассивный глагол *bhasa* языка бенгали, персидский глагол *šenavār budan* пассивного плавания и тамильский (тоже пассивный) *mita*. В тамильском и персидском, представляющих средние системы с двумя специализированными лексемами плавания, соответствующие глаголы оказываются источником всех без исключения метафорических переносов в зоне плавания — второй глагол в системе не метафоризируется. Что касается бенгали, то *bhasa* не является исключением в полном смысле, потому что его исходным значением (сохранившимся и в современном бенгали) было 'тонуть', 'погружаться в воду', семантическая связь которого со значением большого количества очень естественна.

Отметим, что в данном случае метафора большого количества не вполне коррелирует с формулой ВЫШЕ ⇒ БОЛЬШЕ, о которой шла речь во введении [Lakoff, Johnson 1980 / 2004]: в данном случае геометрически большое количество воспринимается не в высоту, а скорее вширь — а если иметь в виду метафоры погружения, то вглубь, иначе говоря, скорее НИЖЕ ⇒ БОЛЬШЕ (ср. также сноску 2).

И второе любопытное для теории метафор обстоятельство: в каждой разновидности активного взаимодействия со средой (большое количество — преодоление среды — свободная ориентация) концепт среды получает свою особую, четко мотивированную интерпретацию (соответственно, 'роскошь / ценные вещи' — 'препятствия и иные обстоятельства' — 'информация'). Друг с другом эти интерпретации не пересекаются: в рамках каждого переноса выбирается свой тип среды, хотя они и «берут начало» из одного, «водного» источника. Надо сказать, что такое положение дел вполне объяснимо: результирующая среда и не может быть одной и той же для всех этих переносов. Действительно, с усилием преодолевают не ту субстанцию, которой стремятся обладать как ценностью, и не ту, в которой свободно ориентируются.

Метафоры *свободного плавания по течению* определяются двумя признаками: отсутствие препятствия и отсутствие контроля над движением субъекта (соответственно, беспрепятственное движение, скольжение, полет, проникновение и потеря контроля, формы, исчезновение), см. рис. 2.

Рис. 2. Метафоры плавания по течению

Образ беспрепятственного движения объединяет пассивное направленное плавание со скольжением и течением, поэтому, как мы наблюдали, эти глаголы имеют пересекающуюся метафорику (подробнее см. 2.7, а также 2.5 и др.). Пересекающуюся — но не совпадающую: например, течение, в отличие от плавания по течению, не всегда подразумевает траекторию движения, поэтому, как мы видели, среди переносных значений соответствующих глаголов могут быть такие, как, например, 'расплываться', 'распространяться' и под. В свою очередь, сохраняющие семантику траектории, плавательные глаголы подчиняются правилам, действующим для всех предикатов поступательного движения: они легко переносят семантический акцент с траектории на конечный пункт движения (goal-bias) и получают значение 'проникать куда-либо' (2.7). Наоборот, глаголы течения, следуя своей семантике, акцентируют источник жидкости — а он совпадает не с конечным, а с начальным пунктом

движения. Поэтому им свойственны метафоры «исхода», а не «прибытия», ср. 'слово восходит к такому-то языку', 'из А вытекает Б' и под. — в целом не характерные для глаголов плавания.

Концепт свободного движения связан с высокой скоростью — и совмещение плавательных значений этого круга со скольжением, течением и летанием это подтверждает²⁴. В принципе, глаголы скоростного движения довольно часто порождают смысл исчезновения (как 2.9), ср. *бежать (из тюрьмы)*, *съехать (о фуражке)* и др. Прозрачна и связь между скоростью и утратой контроля (2.8) — но она не обязательна: контроль над движением может утрачиваться не только за счет высокой скорости, но и за счет незаметности движения. Этот механизм описан в [Рахилина 2003] для глагола *ползти* и, по-видимому, в какой-то степени верен для *плыть* — и все-таки, по сравнению с *ползти*, *плыть* добавляет скорости и поэтому не имеет таких сильных отрицательных коннотаций, которые свойственны *ползти* (ср. *еле ползет* и др.). Зато, предполагая относительно невысокую скорость движения, глаголы плавания, как и глаголы ползания (но не бегания, летания и др.), применимы к статичным предметам — пластичным нежесткой формы, и тогда возникает картина «оплывающего», теряющего форму субъекта (2.10) — как в *свеча плывет*, — но опять-таки без отрицательных коннотаций (ср. *овраг ползет*, *чулок ползет*, а также страх ползет и под.).

Метафоры *нестабильного нахождения в воде* (рис. 3) связаны в языковой картине мира с идеей колеблющегося субъекта — т. е. с пространственной неустойчивостью предмета или неуверенностью человека (2.11) — и по кругу употреблений пересекаются с глаголами колебания (ср. набор значений в русском у сочетаний типа *колеблющийся пол*, *шатающийся зуб*, *шуруп болтается* и др., а также *курс валюты колеблется* и др.). Эта же идея нестабильности проявляется и в антропоцентричном образе эмоций и их проявлений, плещущихся, как в сосуде, в глазах, на лице или в сознании человека (2.13), ср. русск. *в душе всколыхнулось чувство*. И в том, и в другом случае в основе метафор лежит скрытая итеративная семантика предикатов, описывающих колебания поверхности воды и, соответственно, пассивное плавание: предмет не покидает некоторую область локализации, но одновременно многократно и беспорядочно перемещается внутри этой области. А вот в итеративных глаголах поступательного плавания (2.12), которые выражают реальное движение по воде в разные стороны, эта же семантика выражена совершенно эксплицитно — так же, как и связь с глаголами колебания; ведь для колебательных, как, может быть, и для других итеративных глаголов, тоже очень характерна метафора бесцельного и беспорядочного движения, ср. русск. *шататься*, *болтаться*, а также *мотаться*, *вертеться* и др. По-видимому, в этом ряду может стоять и русский глагол *бродить* (итеративного, в отличие от однонаправленного *брести*) — изначально, как предполагается, имевший по крайней мере в качестве одного из значений значение активного плавания (см. [Макеева, Рахилина 2004]).

²⁴ В свое время в одной из статей [Рахилина 2002] мы показали, что ту же семантику как доминантную имеет и русский глагол *ехать*, для которого прототипическим является образ (тоже скоростного) движения вниз по наклонной плоскости.

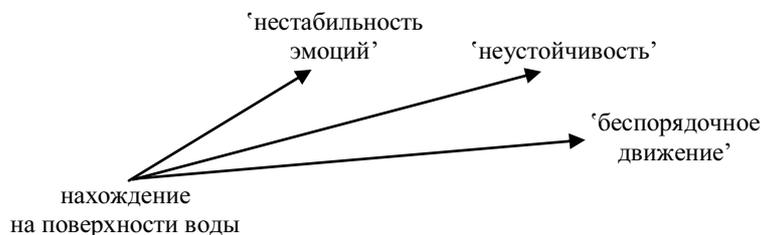

Рис. 3. Метафоры неустойчивости

Конечно, различие между метафорой колебания субъекта, которую порождают глаголы нахождения на поверхности, и метафорой бесцельного перемещения, возникающей из итеративного поступательного движения, очень велико (с одной стороны — движения крошечной амплитуды, а с другой — тоже повторяющиеся, но на огромные расстояния); но для нас важно, что это различие не порождается в процессе метафорического сдвига, а только воспроизводит исходное соотношение прямых значений.

Наконец, всплытие как донор метафоры возникновения должно рассматриваться наряду с множеством других глаголов перехода из закрытого для наблюдателя в открытое пространство: значение 'возникнуть' само по себе не связано именно с плаванием, ср. русск. *выйти* (луна из-за туч), *показаться* (лицо из сумрака), *открыться* (проблема / финансирование), *проявиться* (страх / болезнь), *прокльнуться* (интерес) и многие другие. Какая система различительных признаков определяет разнообразие в этой зоне — пока неясно. Но в отношении глаголов плавания существенно, что такой перенос свойствен только пассивным глаголам нахождения на поверхности — они, а не активные предикаты плавания во всех известных нам системах совмещают свое значение со значением всплытия. Поэтому и рассмотренный нами перенос имеет пассивную природу, так что процесс возникновения, который описывают эти глаголы, происходит самопроизвольно, не по воле субъекта.

3.3. О метафорической шкале

Мы видим, таким образом, что метафоры разных групп, в сущности, не пересекаются — за исключением метафор летания²⁵, которые распадаются, в зависимости от способа движения, на разные подклассы и могут представлять как активное движение, так и поступательное пассивное, а также неподвижное парение (см. раздел 2.6). Тем самым метафоры летания просто распределяются между нашими группами без остатка. Сами же группы порождаются фрагментами «шкалы активности», которая обсуждалась при типологическом анализе прямых значений глаголов плавания. Правда, теперь, для описания метафорических значений плавания, эту шкалу следовало бы представить с несколько другим членением, см. Схему 1.

²⁵ См. также разделы 2.13 и 3.2 о двойственной природе метафоры неустойчивости эмоций.

Схема 1

Шкала активности как источник метафор плавания

			
активное плавание	пассивное плавание по течению	пассивное нахождение в воде (+ итеративное плавание)	всплытие

Как видим, активные глаголы и здесь остались обособленными, но в отдельный класс выделились глаголы движения по течению, одновременно глаголы всплытия отделились от глаголов нахождения на поверхности, а те до некоторой степени объединились с итеративными (объединение все же несколько условно — ввиду разной степени активности исходных глаголов). Каждый фрагмент шкалы ведет себя иначе в том смысле, что порождает самостоятельный «зрительный образ» плавания (ср. здесь широко принятый термин когнитивной семантики *image scheme* (образная схема), введенный в [Johnson 1987], который развивается в своем круге метафор и имеет свой круг квазисинонимов. Обратим внимание, что из исходной шкалы «исчез» класс судовых глаголов: у этих глаголов, прекрасно представленных в языках лексически, не оказалось единого зрительного образа какого-то особого движения и, соответственно, не оказалось собственного класса метафор — метафоры, связанные с этими глаголами, полностью распределились по другим классам²⁶. Наоборот, глаголы плавания по течению «не заслужили» отдельной зоны на шкале активности прямых значений: практически во всех рассмотренных языках они выступают как лексически совмещенные — то с глаголами движения судов, то с глаголами нахождения на поверхности. Зато, как мы видели, эти глаголы порождают самый сильный и разветвленный «куст» метафор и на метафорической шкале должны выступать отдельно от других.

Образы, которые порождают разные фрагменты шкалы, имеют разный статус. Часть из них мотивирована собственно семантикой плавания, а часть отражает более общие закономерности. Последнее касается, как мы только что говорили, зоны всплытия / возникновения и во многом — зоны свободного движения, которое, как мы видели, практически во всем воспроизводит поведение глаголов движения других групп. Скорее всего, не имеют индивидуального метафорического образа глаголы итеративного плавания, а вот итеративность, которая возникает у глаголов нахождения на поверхности, она порождается именно семантикой плавания. То же можно сказать и о метафорах активных глаголов: скорее всего, они не воспроизводятся в других лексических зонах.

Замечание

То, что наши параметры, определившие типы метафорических сдвигов, выстроились в шкалу — до некоторой степени случайность. Ясно, что типология предикатов другой, более сложной структуры (например, каузативных глаголов — с большим числом участников) потребует более сложной модели описания, а типология предметных имен — возможно, модели, построенной иначе (ср. здесь интересный опыт описания концепта 'дом' в японском, английском, немецком, нидерландском, финском и других языках в [Dobrovol'skij, Piirainen 2005] или концепта 'отвертка' в разных европейских языках — в [Rudden, Panther 2004]).

²⁶ Напомним, в частности, что глаголы плавания под парусами хорошо «встроились» в метафорику беспрепятственного движения, свойственную глаголам движения по течению.

3.4. О различии и совмещении значений

Итак, шкала активности, построенная для отражения типов лексикализации исходных значений, и шкала, отражающая типы их метафоризации, несколько различаются. Но эти различия кажутся вполне мотивированными, и в целом эти шкалы достаточно хорошо друг с другом коррелируют. Получается, что в каком-то смысле классификация метафор служит косвенным подтверждением правильности нашей классификации исходных значений плавательных глаголов, а вместе они объясняют гетерогенность метафор плавания: разные метафоры возникают у разных значений глагола.

Если значения глаголов совмещаются, метафоры тоже совмещаются. С некоторой долей вероятности можно ожидать и обратное: совмещение метафор означает, что совмещены исходные значения. Например, представим себе, что в каком-то языке встретился глагол плавания, выражающий движение времени ('время плывет') — типичную метафору глаголов течения — или логический вывод ('из А вытекает В') — тоже свойственный глаголам этой семантики. Тогда мы будем ожидать, что, скорее всего, этот глагол плавания имеет (или по крайней мере имел раньше) еще и значение 'течение воды в реке'. Разумеется, подобные прогнозы нуждаются в проверке, но сама возможность сформулировать хотя бы некоторые утверждения такого рода внушает определенный оптимизм: если в них есть зерно истины, мы можем идти в своих предсказаниях дальше. Тогда, если бы мы, предположим, знали, что метафоры плавания в определенных языках пересекаются с метафорами, скажем, ползания, можно было бы ожидать, что найдутся языки, где лексически ползание и плавание совмещены и в своих прямых значениях. Хорошей иллюстрацией здесь является помещенная в настоящем сборнике статья о прыгании и летании, в которой не только обсуждается связь этих смыслов, но и показано, что одни языки демонстрируют совмещение метафор, тогда как другие (иногда и одновременно с этим) — совмещение прямых лексических значений²⁷.

Сокращения названий языков

англ.	— английский	кар.-балк.	— карачаево-балкарский
араб.	— арабский	кор.	— корейский
арм.	— армянский	лакск.	— лакский
болг.	— болгарский	лат.	— латинский
бенг.	— бенгали	лит.	— литовский
груз.	— грузинский	нем.	— немецкий
др.-греч.	— древнегреческий	нидерл.	— нидерландский
кит.	— китайский	перс.	— персидский

²⁷ Материал статьи был представлен на семинаре Н. Д. Арутюновой «Логический анализ языка» в Институте языкознания РАН и на семинаре Казанского государственного университета (апрель 2006 г.); мы благодарим слушателей этих семинаров за внимание и вопросы; особая благодарность — Д. О. Добровольскому и Г. И. Кустовой, прочитавшим статью в рукописи и сделавшим ценные замечания.

польск.	— польский	удм.	— удмуртский
порт.	— португальский	финск.	— финский
русск.	— русский	фр.	— французский
сельк.	— селькупский	хак.	— хакасский
сербохорв.	— сербохорватский	чуваш.	— чувашский
тамил.	— тамильский	шв.	— шведский
турецк.	— турецкий	яп.	— японский

Л и т е р а т у р а

- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147—173.
- Арутюнова Н. Д. (ред.). Теория метафоры. М.: Наука, 1990.
- Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001.
- Кустова Г. И. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (группа *попасть*) // Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. (ред.). Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Ли Су Хен, Рахилина Е. В. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М.: Индрик, 2005.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Арутюнова Н. Д., Шатуновский И. Б. (ред.). Логический анализ языка. Языки динамического мира. М.: Индрик, 1999.
- Макеева И. И., Рахилина Е. В. Семантика русского *плыть* ~ *плавать*: синхрония и диахрония // Апресян Ю. Д. (ред.). Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 176—186.
- Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *назначить* // Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.). Типология и теория языка: от описания к объяснению. Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 488—502.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

- Рахилина Е. В. *Ползти*: путь к хаосу // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003. С. 415—430.
- Рахилина Е. В. Мы едем, едем, едем // Плуноян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Языки мира. Типология. Уралистика. Сб. ст. памяти Т. Ждановой. М.: Индрик, 2004.
- Скворцов М. И. (ред.). Чувашско-русский словарь. (Ок. 40 тыс. слов.) М., 1985.
- Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика, 1979, вып. 11 (перепечатано в: Семиотика и информатика, 1997, вып. 35).
- Barcelona A. (ed.). *Metaphor and metonymy at the crossroads: a cognitive perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Blank A., Koch P. La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // Dupuy-Engelhardt H., Montibus M.-J. (eds.). *La lexicalisation des structures conceptuelles. Actes du colloque international EUROSEM 1998*. Reims: Presses Universitaires de Reims, 2000. P. 43—62.
- Dobrovolskij D., Piirainen E. *Figurative language. Cross-cultural and cross-linguistic perspectives*. (Current research in the semantic / pragmatic interface. Vol. 13.) Amsterdam etc.: Elsevier, 2005.
- Doeninghaus S. The structuring function of metaphor: a morphologically based comparison of European languages // 9th International Cognitive Linguistics Conference. Forum Lectures. Seoul, 2005.
- Johnson M. *The body in the mind*. Chicago: University of Chicago, 1987.
- Ikegami Y. 'Source' vs. 'goal': A case of linguistic dissymmetry // Dirven R., Rudden G. (eds.). *Concepts of case*. Tübingen: Narr, 1987.
- Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago, 1987 [русск. пер.: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки русской культуры, 2004].
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago, 1980 [русск. пер.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004].
- Kövecses Z. *Metaphors of anger, pride and love: a lexical approach to the structure of concepts*. Amsterdam: John Benjamins, 1986.
- Kövecses Z. *Metaphor and emotion: language, culture and body in human feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Paprotté W., Dirven R. (eds.). *The ubiquity of metaphor: metaphor in language and thought*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Rudden G., Panter K.-U. Towards a theory of motivation in language // 9th International Cognitive Linguistics Conference. Forum lectures. Seoul, 2005.
- Stefanowitsch A., Rohde A. The goal-bias in the encoding of motion events // Rudden G., Panter K.-U. (eds.). *Studies in linguistic motivation*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004.